

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ РУДНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ДАННЫМ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА КАМЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ)*

Исследование посвящено рассмотрению самой ранней в Приморье неолитической руднинской культуры, существовавшей с VII до середины V тыс. до н. э. Основным источником для изучения хозяйственной деятельности древнего населения являются функциональные исследования каменного инструментария из археологических коллекций. На базе материалов поселения Рудная Пристань проводится сравнительный анализ древней экономики двух регионов – Приморья и Приамурья. Используются статистические данные по палеохозяйству осиповской и громатухинской культур юга Дальнего Востока России. Доля орудий категории охоты наиболее велика для инструментария громатухинской культуры, минимальна – в составе руднинского. Совершенно противоположная картина отображается при сопоставлении долей орудий рыболовства. В громатухинском инструментарии она минимальна и количественно радикально отличается от инструментария осиповской и руднинской культур. Именно эта диспропорция может считаться основной при относительной характеристике хозяйственной деятельности носителей руднинской культуры. По совокупности полученных данных ее можно определить как ориентированную, в первую очередь, на рыбный промысел со сравнительно развитой отраслью хозяйства, связанной с обработкой преимущественно органических материалов, в частности – дерева. Сопоставление данных о хозяйственной деятельности носителей руднинской культуры с результатами планируемых исследований аналогичных показателей хронологически более поздних культур Приморья должно, как предполагается, выявить особенности динамики в эволюции палеохозяйства населения в процессе его адаптации к условиям климатических изменений в регионе в голоцене.

Ключевые слова: Приморье, Приамурье, руднинская, осиповская, громатухинская неолитические культуры, трасологический метод, орудия охоты, рыболовства, обработки дерева, камня, кости, адаптация, эволюция.

Руднинская культура получила свое название от открытого в начале 1950-х гг. и тогда же исследованного на востоке Приморья поселения Рудная Пристань (прежнее название Тетюхе). Поселение расположено примерно в 600 км к северо-востоку от Владивостока, поблизости от устья впадающей в Японское море р. Рудная, на мысу, являющемся завершением древней эрозийной террасы с гранитным цоколем. Нижний горизонт многослойного памятника связан

с руднинской культурой, начало исследований которой положил А. П. Окладников [1958. С. 49; 1959, С. 46–47; Окладников, Деревянко, 1973. С. 171]. Позже поселение раскапывалось в 1982–1986, 1990 гг. [Дьяков, 1992]. Продолжено изучение памятников руднинской культуры в 2000-е гг. Помимо Рудной Пристани, исследовались памятники Чёртовы Ворота, Осиновка, Перевал¹ [Медведев, 2000], Сергеевка-1 [Батаршев, Попов, 2008] и некоторые другие.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33: проект «Общее и особенное в развитии культур древности и средневековья на Дальнем Востоке».

¹ Архив ИА РАН. Р-1. № 8828. 47 л.

Всего в настоящее время известно и в той или иной степени изучено более 20 памятников рассматриваемой культуры. Известны памятники руднинской культуры в некоторых районах Северо-Восточного Китая (Синькайлю, Даобэйшань и др.). В настоящее время руднинская культура считается наиболее ранней в Приморье. В то же время ряд ее компонентов нельзя признать архаичными, что дает основание предполагать существование в данном регионе неолитической культуры древнее руднинской.

На основе некоторых особенностей керамического материала, касающихся принципов декорирования сосудов, в исследованиях последнего времени предлагается подразделение поселений руднинской культуры на два хронологических варианта: собственно руднинский (первая половина VII тыс. до н. э.) и сергеевский (начало VII – середина V тыс. до н. э.). При этом различия в каменном инструментарии, в отличие от керамики, между этими двумя вариантами просматриваются гораздо меньше. Почти нет принципиальных отличий также в устройстве долговременных жилищ.

На современном этапе изучения руднинской культуры можно говорить о пятнадцати раскопанных жилищах на шести памятниках, при этом десять из них исследованы на поселении Рудная Пристань. Жилища – полуземлянки с квадратными или прямоугольными подземными основаниями-котлованами площадью от 10–35 до 140 кв. м. В жилищах обязательно имеются очаги различных типов: в земляных углублениях, в деревянном ящике с подсыпкой песка, на глинистой площадке, в яме с каменной обкладкой и без специального устройства очажного места. В отдельных жилищах обоих предлагаемых вариантов культуры отмечены ступенчатые выходы и каменные площадки по внешнему периметру котлована. Кровля сооружалась на столбах, укрепленных в ямах вдоль стен и в центре котлована [Окладников, 1958. С. 52–53; Батаршев и др., 2010. С. 12].

В каменном инвентаре отчетливыми диагностическими признаками культуры предстают традиции изготовления орудий из пластинчатых отщепов с редким использованием пластин, снятых с призматических нуклеусов, бифасиальная обработка наконечников метательных орудий треугольно-удлиненных и листовидных форм, асиммет-

рично-листовидных ножей, отчасти концевых скребков, развитая техника шлифования (тесла, наконечники стрел, украшения). Наряду с разнообразной каменной индустрией культура представлена костяными изделиями (рыболовные крючки, остроги, шилья и др.) и орудиями из рога.

Глиняные плоскодонные сосуды преимущественно усеченно-конической формы без горловины (ситулы), в меньшей степени использовались слабопрофилированные сосуды с горловиной, горшковидные изделия и глубокие чаши. Первостепенная роль в орнаментации стенок сосудов принадлежала ромбическим и треугольным оттискам – разновидностям «амурской плетенки», а также оттискам «отступающей лопаточки», гребенки, реже фиксируются ямочные и чешуйчатые штампы, врезные линии-насечки, наклепные элементы [Дьяков, 1992; Андреева, 1991; Кононенко, 1994; Бродянский, 2003; Татарников, 1983].

Для руднинской культуры получена серия радиоуглеродных дат, в том числе по углю из поселения Рудная Пристань (три даты в интервале 7 690–7 390 л. н. [Дьяков, 1992. С. 119]). Это наиболее ранний возраст среди всех памятников рассматриваемой культуры. Таким образом, Руднинская Пристань является в наше время не только наиболее исследованным, обладающим надежной стратиграфией и представительной, типичной для руднинской культуры коллекцией артефактов памятником. Он также воспринимается древнейшим в этой культуре и в целом в неолите Приморья. Обращают на себя внимание обоснования связи руднинской культуры с периодом среднего неолита, которому присущи устоявшиеся неолитические традиции в производстве каменного инвентаря и керамики. Поскольку ранний неолит в Приморье пока практически не изучен, к периоду среднего неолита отнесены руднинская и бойсманская с комплексом протобойсманской (остродонной) керамики (близкие по своей хронологии к последней) культуры. К позднему неолиту региона традиционно относится зайсановская культура (5–3,2 тыс. л. н.) [Батаршев, 2009. С. 99].

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о происхождении руднинской культуры. Одни исследователи считают, что она вместе с кондонской культурой составляют единый культурный организм, уходя-

щий своими корнями в более ранние амурские культуры. Такой подход особенно свойственен изысканиям Д. Л. Бродянского [1987]. Другие исследователи видят в руднинской культуре продолжение местных традиций с участием составляющих устиновской культуры позднего палеолита, ставшей основой развития техники расщепления и форм каменных орудий руднинцев. Это выражается в весьма незначительном количестве нуклеусов с торцевым снятием микропластин, изделий из пластин и микропластин. Суть еще одной гипотезы заключается в том, что будто бы в начале голоцена на части Среднеамурской равнины (вблизи нижних течений рек Сунгари и Уссури) сформировалась «протокондонская» культурная общность, из которой позже произошло выделение самостоятельных культур на соседних территориях среднего и нижнего Амура, а также руднинской в Приморье [Дьяков, 1992. С. 121]. В названной гипотезе имеются несоответствия. В частности, известно, что в финальном плейстоцене – раннем голоцене в Приамурье существовали культуры начального неолита – осиповская, громатухинская, новопетровская, которые старше предлагаемой «протокондонской» общности. Следовательно, именно эти культуры могли стать основой для выделения новых «самостоятельных» культур в Приамурье и сопредельных районах.

Исследования руднинской культуры приобретают в настоящее время особую актуальность в связи с комплексным изучением хозяйственной деятельности населения Дальнего Востока в эпоху неолита, где данная культура является одним из ключевых звеньев в эволюции палеохозяйства региона. В связи с этим цель настоящей работы – анализ инструментария обозначенной культуры и сопоставление данных о специфике ее хозяйства с аналогичными материалами синхронных культур региона.

Предваряя основную часть настоящей работы краткими основополагающими сведениями о руднинской культуре без детального ее анализа и дискуссии с приморскими коллегами, считаем необходимым отметить следующее. Сравнительный анализ палеохозяйства двух регионов юга Дальнего Востока России – Приморья и Приамурья – на основе материалов, с одной стороны, средне-неолитической руднинской возрастом

7 700–5 900 л. н., а с другой – начальнеолитических осиповской и громатухинской культур, существовавших в основном 14–10 тыс. л. н., может показаться некорректным. Однако исследование направлено на выявление общих и особенных черт в палеохозяйстве носителей наиболее ранних культур эпохи неолита, каковыми в Приамурье являются осиповская и громатухинская, а в Приморье – руднинская культуры.

Функциональные исследования каменных артефактов руднинской археологической коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С. А. Семеновым [1957], Г. Ф. Коробковой [Korobkova и др., 1999], и на методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий Л. Кили [Keeley, 1980]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999; 2010].

При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. В качестве основного исследовательского инструмента применялся специально адаптированный для микротрасологии микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат.

Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов. Опыт палеоэкономических исследований археологических культур региона привел к выработке, как представляется, оптимальной типологии каменных артефактов [Волков, 2010. С. 150–210]. Предлагается производить членение инструментария памятника на три категории, объединяющие основные группы орудий, связанных с главными отраслями хозяйства этого времени:

А – охота; В – рыболовство; С – обработка дерева, кости, камня.

В категорию С будут включены орудия, не связанные напрямую ни с охотой, ни с рыболовством. Определяющий состав орудий этой категории будет отнесен к домашним промыслам, не являющимся деятельностью по получению источников питания и первичной переработке продуктов охоты и рыболовства (например, с первичной обработкой шкур при их подготовке к раскрою или шитью). В состав данной категории попадают инструменты по расщеплению камня, деревообрабатывающие, косторезные и орудия для работы с рогом.

Группы орудий включают в себя инструменты, связанные с определенным видом деятельности внутри хозяйственных отраслей. Так, категория орудий охоты и обработки ее продуктов включает следующие: 1) орудия охоты (АI); 2) орудия по обработке шкур (АII); 3) мясные ножи (АIII). Аналогичны группы, входящие в состав категории орудий рыболовства и обработки его продуктов: 1) орудия рыболовства (ВI); 2) орудия по обработке рыбы (ВII). Третья категория (орудия по обработке дерева, кости, камня), разделена на две группы: 1) орудия по обработке органических материалов (СI); 2) орудия по обработке неорганических материалов (СII). Каждая из них включает в себя набор инструментов, принадлежащих к определенным функциональным типам, к которым отнесены орудия, объединенные по способу их воздействия на обрабатываемый материал [Волков, 1999. С. 17–29].

В отличие от изучения эволюции состава инструментария на одном, отдельно взятом археологическом памятнике, при сравнительном анализе инструментария, характерного для культуры в целом перед исследователем открывается возможность наблюдать и анализировать более глобальные процессы в адаптации населения к условиям меняющейся или различной природной среды обитания. Особое значение имеет привлечение к исследованию данных о палеоклимате, флоре, фауне и географии изучаемых районов. Необходимая комплексность в исследованиях такого рода, в силу различных причин, возможна не всегда, но должна быть желаемой.

Большой сложностью в решении этой проблемы является отсутствие по объектив-

ным причинам целого ряда очень важных данных для палеорекоkonструкций. Кислотность почв юга Российского Дальнего Востока не позволяла хорошей сохранности органики, и потому не только кости животных и ихтиофауна на позднепалеолитических и раннеолитических местонахождениях в культуросодержащих горизонтах, но и споры и пыльца древесной растительности, кустарников, трав и злаковых большая редкость. Таким образом, основным источником для изучения хозяйственной деятельности древнего населения являются функциональные исследования каменного инструментария обитателей региона. Сохранность артефактов в отобранных для исследования археологических коллекциях достаточно хорошая. При обследовании удалось идентифицировать абсолютное большинство использованных инструментов.

Общее количество каменных артефактов, исследованных экспериментально-трассологическим методом, идентифицированных как утилизированные орудия и использованных для статистического анализа в настоящей работе, составляет 2 025 экз. Из археологической коллекции осиповской культуры привлечено 473 утилизированных орудия; в громатухинской выявлено 665; в руднинской – 887 экз. В результате сплошного обследования каменных артефактов археологической коллекции памятника были выявлены: наконечники стрел и дротиков, скребки и скребла, проколки, ножи мясные, грузила, ножи рыбные, ретушеры, шлифовальные плитки, отбойники, наковаленки, строгальные ножи, скобели, провертки, тесла, долота (см. таблицу).

Оценка в экономике, как и в гуманитарных науках вообще, относительна. Для удобства сравнительного анализа данные об инструментарии руднинской культуры целесообразно представить в виде графиков.

Исследования показывают, что доминируют в составе инструментария, как мы видим, почти равные доли орудий категорий А и С (рис. 1). Орудий, связанных с рыболовством и обработкой его продуктов, относительно немного.

Разнообразен состав инструментария с разделением на группы орудий охоты (АI), орудий для переработки шкур (АII) и мясные ножи (АIII) (рис. 2, 1). Заметно преоб-

Состав инструментария руднинской культуры

Инструментарий различных категорий и групп	Количество	
	экз.	%
Орудия охоты и обработки ее продуктов:	496	55,9
орудия охоты	56	6,3
орудия для обработки шкур	170	19,2
мясные ножи	270	30,4
Орудия рыболовства и переработки его продуктов:	33	3,7
орудия рыболовства	18	2,0
орудия для обработки рыбы	15	1,7
Орудия для обработки дерева, кости, камня:	358	40,4
орудия для обработки неорганических материалов	75	8,5
орудия для обработки органических материалов	283	31,9

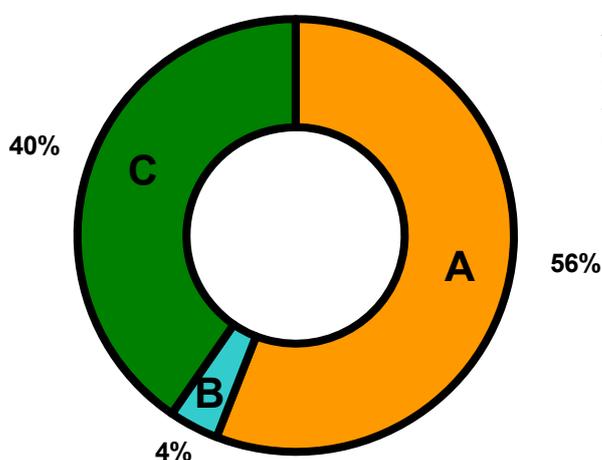

Рис. 1. Состав инструментария руднинской неолитической культуры с разделением на категории орудий охоты (А), рыболовства (В) и обработки дерева, кости, камня (С) (процентные доли в инструментарии культуры в целом)

ладают в орудийном наборе мясные ножи, использовавшиеся как при разделке добычи на охоте, так и при потреблении мяса уже на месте поселений. Орудий охоты (в коллекции представлены в основном наконечниками стрел и режее – дротиков) почти вдвое больше доли скребковых инструментов (преимущественно: концевые скребки и редко – массивные скребла).

Доли групп орудий рыболовства (В1) и орудий для переработки рыбы (В2) в составе инструментария почти равны (рис. 2, 2), за некоторым преобладанием инструментов, связанных с охотой, представленными в коллекции грузилами различных типов. Выявленные орудия группы В2 представляют собой разделочные рыбные ножи.

Последний из графиков, отображающий состав инструментария руднинской культу-

ры, демонстрирует доли орудий для обработки органических (С1) и неорганических (С2) материалов, не связанных напрямую ни с охотой, ни с рыболовством (рис. 2, 3). Здесь мы видим значительное преобладание орудий, связанных с обработкой органических материалов (как показал трасологический анализ, преимущественно – дерева). В составе этой доли инструментария количественно доминируют скобели и строгальные ножи. Следующие по численности группы орудий – различного типа провертки и шлифованные тесла.

Сами по себе все представленные выше графики не могут быть исчерпывающим материалом для характеристики хозяйственной деятельности носителей культуры, если они не сопоставлены с аналогичными показателями об инструментариях других,

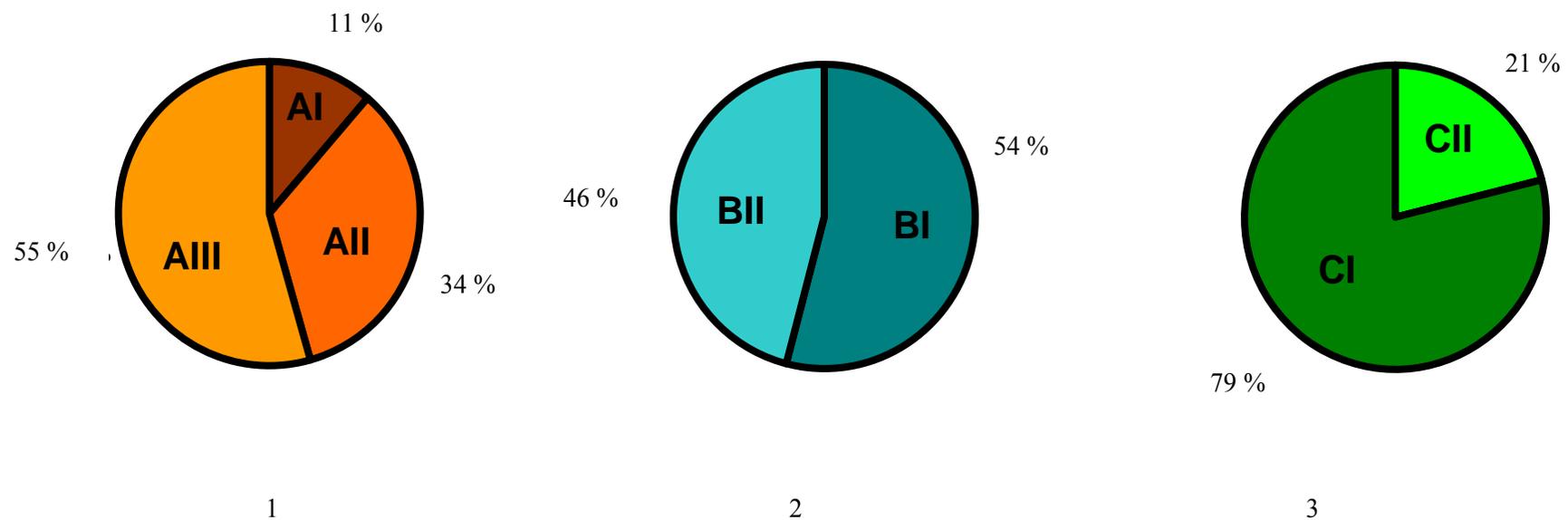

Рис. 2. Состав инструментария руднинской неолитической культуры с разделением на группы орудий:

1 – процентные доли внутри категории А орудий охоты (AI), орудий для переработки шкур (AII) и мясных ножей (AIII); 2 – процентные доли внутри категории В орудий рыболовства (BI) и орудий для переработки рыбы (BII); 3 – процентные доли внутри категории С орудий для обработки органических (CI) и неорганических (CII) материалов

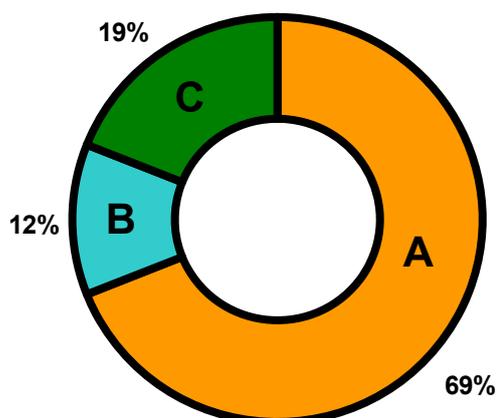

Рис. 3. Состав инструментария памятников громатухинской неолитической культуры с разделением на категории орудий охоты (А), рыболовства (В) и обработки дерева, кости, камня (С) (процентные доли в инструментарии культуры в целом)

хронологически или территориально близких археологических культур.

Градации данных о составе инструментария громатухинской раннеолитической культуры в регионе среднего Амура может быть представлена на уровне категорий (рис. 3). Хорошо видно доминирование доли орудий, связанных с охотой и обработкой ее продуктов.

При детальном рассмотрении состава орудий этой категории (рис. 4, 1) можно заметить и особенности охотничьего инструментария. Различия с аналогичными данными о руднинской культуре (см. рис. 2, 1) становятся очевидными. В относительно равных долях (в составе инструментария громатухинской культуры) представлены мясные ножи и орудия, применявшиеся для обработки шкур. Доля орудий охоты чуть более чем в два раза превышает долю орудий групп АП и АПП.

В категории орудий, связанных с охотой, преобладают ножи, использовавшиеся преимущественно для первичной переработки мяса и приготовления пищи. Микроножи для потребления мяса, по сравнению с селемджинскими коллекциями, более редки. Значительную долю в числе орудий составляют скребковые инструменты [Волков, 1987], среди которых встречаются инструменты для работы со шкурами крупных животных. Выявлена заметная доля орудий охоты. Наиболее распространенными находками этой категории явились наконечники стрел и, во вторую очередь, наконечники метательных дротиков.

В категории инструментов рыболовства (рис. 4, 2) преобладают изделия, связанные

с обработкой улова. Насколько пропорции здесь показательны, судить можно будет, конечно, только после сравнительного анализа. Тем не менее значительную долю специфических ножей, применявшихся при массовой обработке улова, отметить следует.

Часть орудий по обработке органических материалов (в основном дерева) явно выделяется из общего состава инструментария (рис. 4, 3). Среди изделий категории С преобладают артефакты для работы с деревом (преимущественно – макротесла, известные как «тесловидно-скребловидные орудия») [Там же]. Инструментарий данной группы очень многообразен. Значительную долю составляют орудия, применявшиеся при расщеплении камня. Набор изделий этой группы по своему разнообразию и составу характерен для неолита.

Доминирующее место в инструментарии осиповской культуры занимают орудия охоты и переработки ее продуктов (рис. 5), хотя по сравнению с аналогичными данными по громатухинской культуре изделий, связанных с охотой, заметно меньше. Количество артефактов двух других категорий относительно одинаково. Но в сопоставлении с громатухинским неолитом возрастает доля изделий, связанных с рыболовством.

Орудия охоты (рис. 6, 1) представлены в основном наконечниками стрел, по сравнению с громатухинскими более массивными и, вполне вероятно, предназначенными для охоты на крупного зверя. Доля наконечников в инструментарии данной категории сравнительно велика. Количество артефактов, связанных с охотой, сопоставимо с числом

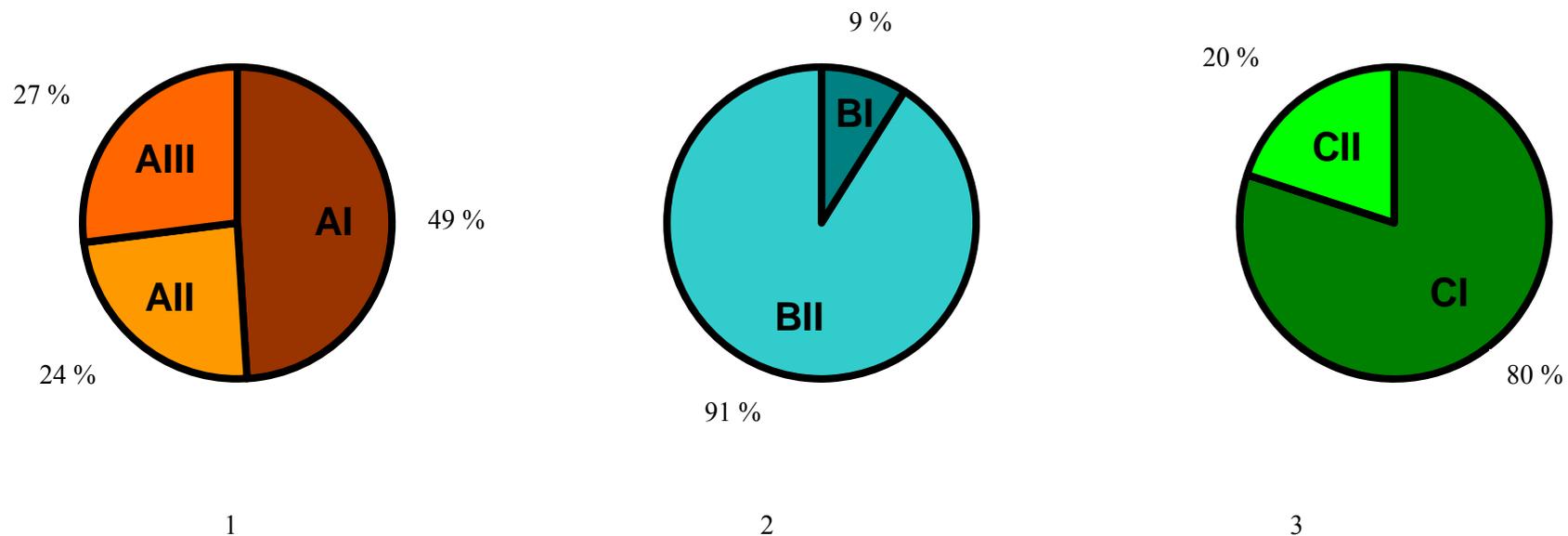

Рис. 4. Состав инструментария памятников громатухинской неолитической культуры с разделением на группы орудий:

1 – процентные доли внутри категории А орудий охоты (AI), орудий для переработки шкур (AII) и мясных ножей (AIII); 2 – процентные доли внутри категории В орудий рыболовства (BI) и орудий для переработки рыбы (BII); 3 – процентные доли внутри категории С орудий для обработки органических (CI) и неорганических (CII) материалов

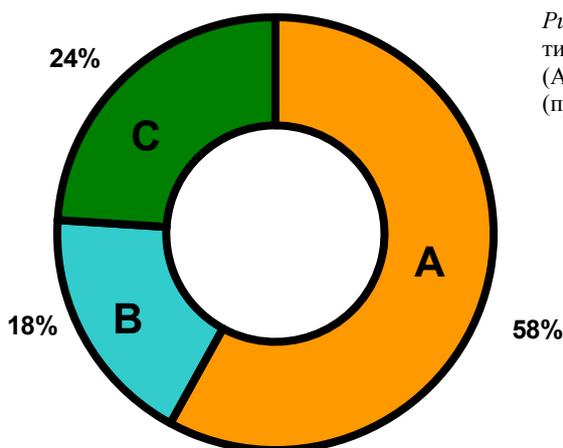

Рис. 5. Состав инструментария памятников осиповской неолитической культуры с разделением на категории орудий охоты (А), рыболовства (В) и обработки дерева, кости, камня (С) (процентные доли в инструментарии культуры в целом)

скребковых инструментов. Среди последних преобладают макроскребки (тесловидно-скребловидные изделия), предназначенные для работы со шкурами крупных животных.

Грузила для рыболовных сетей многочисленны и составляют более трети от общего числа находок категории С (рис. 6, 2). Практически все рыбные ножи осиповской коллекции специализированы для обработки массового улова [Волков, 2010. С. 184].

Количество орудий обработки органических материалов (рис. 6, 3) по сравнению с долей в инструментарии позднепалеолитических памятников радикально возрастает и составляет в осиповской коллекции почти $\frac{9}{10}$. Около $\frac{3}{4}$ деревообрабатывающих инструментов – тесла и долота. Таких орудий, как строгальные ножи, резчики и резцы, относительно немного. Впервые в хронологической последовательности исследуемых археологических коллекций отмечены приспособления для шлифовки камня.

Сопоставление состава инструментария исследуемых культур показывает заметные различия, проявляющиеся, впрочем, не на всех показателях на уровне категорий. Так, например, доля орудий категории А (рис. 7, а) почти равна для осиповской и руднинской культур. Заметно больше орудий для охоты и переработки ее продуктов только в громатухинской культуре.

При сопоставлении количества орудий рыболовства (категория С) очевидно, что в руднинском инструментарии таких артефактов значительно меньше, чем у носителей громатухинской и осиповской культур (рис. 7, б). Самым многочисленным является набор орудий рыболовства и переработки

его продуктов в коллекции осиповской культуры.

Столь же заметное различие можно увидеть и при рассмотрении сравнительных показателей о доли орудий, связанных с обработкой дерева, кости и камня (категория С). Наибольшая часть орудий этой категории наблюдается в руднинской культуре (рис. 7, в), наименьшая – в громатухинской.

Для того чтобы понять различия в хозяйственной ориентации изучаемых культур более детально, необходимо рассмотреть состав упоминаемых выше категорий на уровне групп орудий. Три нижеследующих графика показывают, какие именно орудия преобладали в той или иной категории каждой из сравниваемых культур.

При рассмотрении распределения групп орудий внутри категории А (орудия охоты и переработки ее продуктов) всех трех рассматриваемых археологических культур (рис. 8, а), хорошо видно, что определяющей долей орудий категории А в громатухинской культуре являлись непосредственно орудия охоты (группа АI). В основном это наконечники стрел и дротиков. Для осиповской культуры наиболее заметную составляющую в такой категории представляют разнообразнейшие инструменты для обработки шкур (группа АII). Для руднинской коллекции характерны сравнительно равновеликие доли групп орудий, связанных с обработкой шкур (АII), и мясные ножи (АI).

В громатухинской культуре наблюдается явное преобладание инструментов, связанных с обработкой улова (группа ВII) (рис. 8, б).

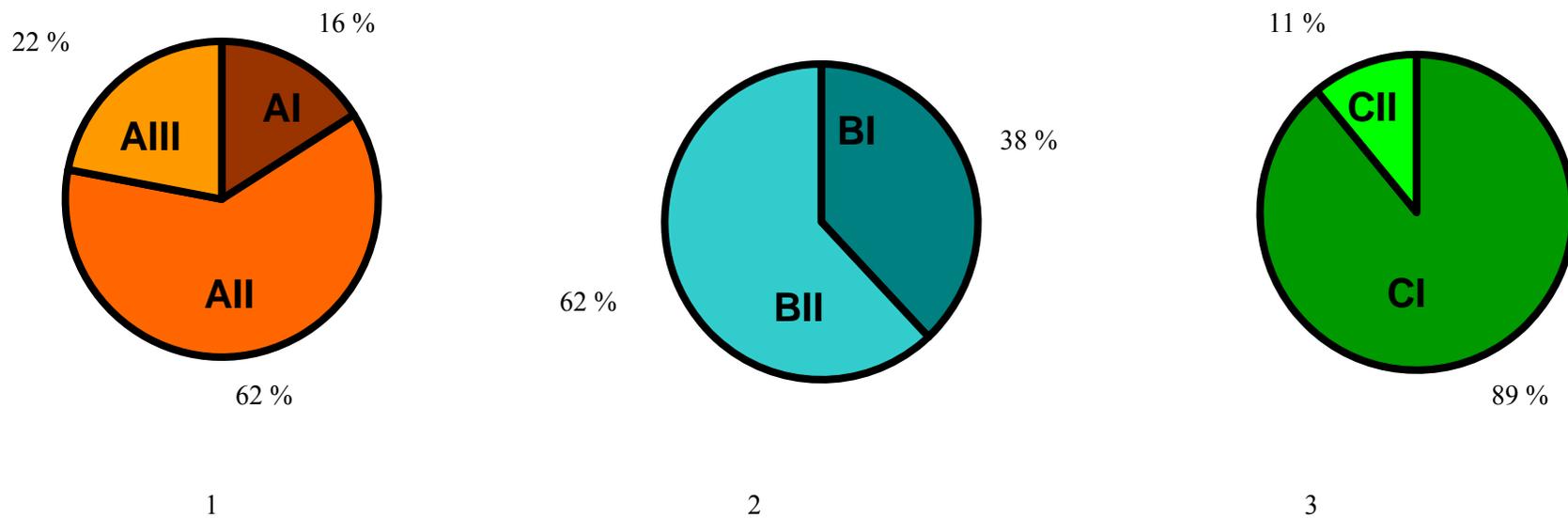

Рис. 6. Состав инструментария памятников осиповской неолитической культуры с разделением на группы орудий:

1 – процентные доли внутри категории А орудий охоты (AI), орудий для переработки шкур (AII) и мясных ножей (AIII); 2 – процентные доли внутри категории В орудий рыболовства (BI) и орудий для переработки рыбы (BII); 3 – процентные доли внутри категории С орудий для обработки органических (CI) и неорганических (CII) материалов

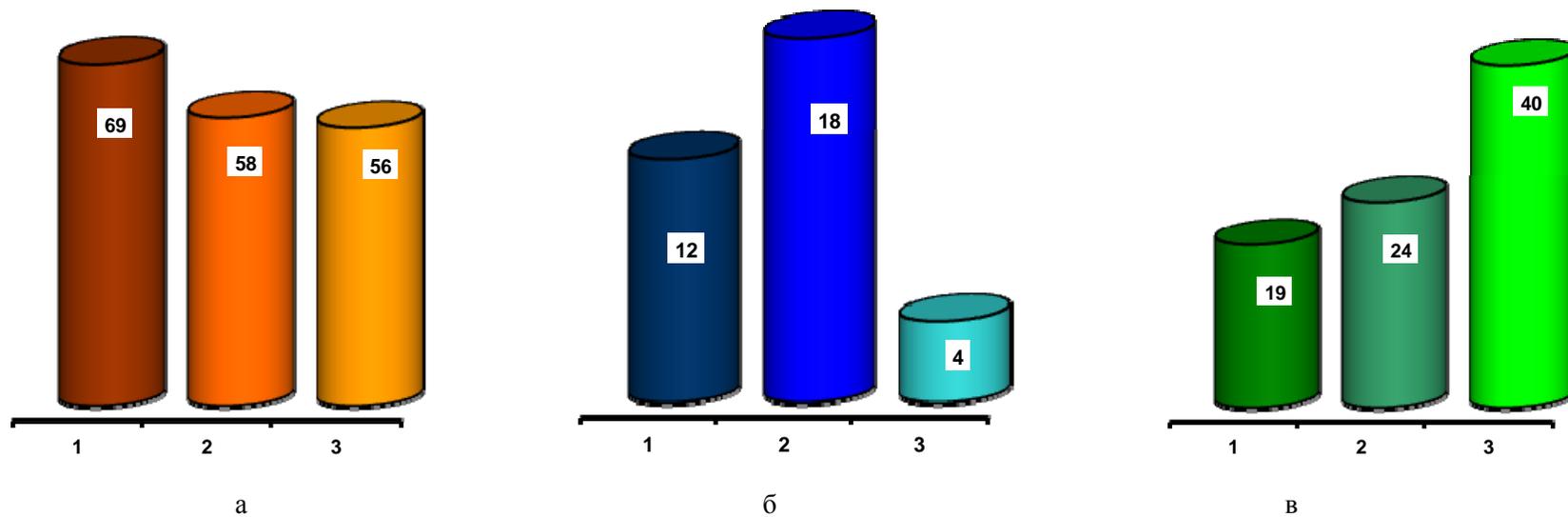
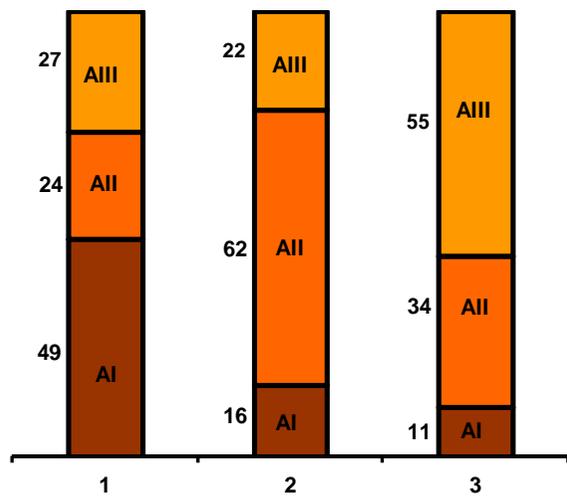
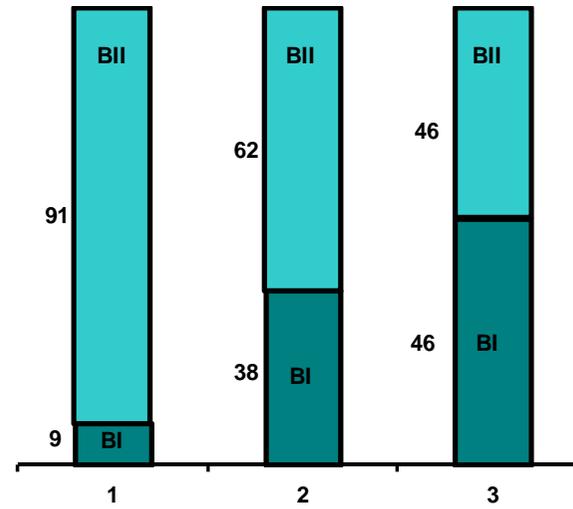

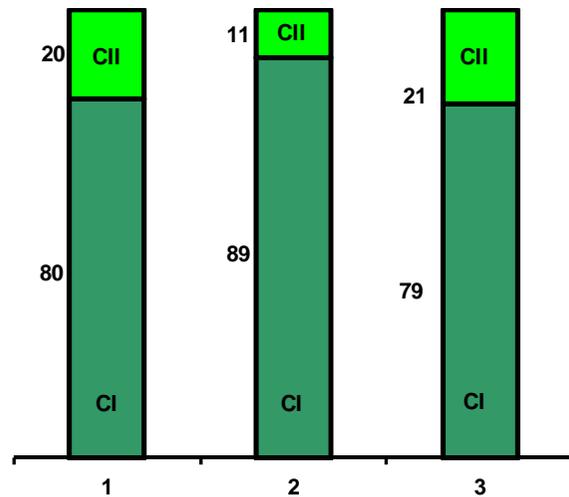
Рис. 7. Доля орудий различных категорий в инструментариях громатухинской (1), осиповской (2) и руднинской (3) культур (в процентах к общему составу инструментария каждой культуры): а – орудия категории А (охота и переработка ее продуктов); б – орудия категории В (рыболовство и переработка ее продуктов); в – орудия категории С (обработка органических и неорганических материалов не связанных напрямую с охотой или рыболовством)

a

б

в

Рис. 8. Распределение долей групп орудий внутри различных категорий в инструментариях гromатухинской (1), осиповской (2) и руднинской (3) культур (в процентах к общему составу инструментария каждой культуры): а – внутри категории А; б – внутри категории В; в – внутри категории С

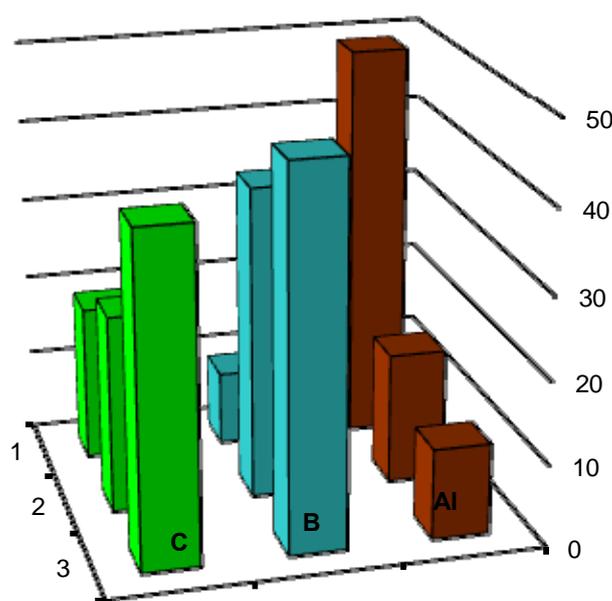

Рис. 9. Сравнительные характеристики инструментариев громатухинской (1), осиповской (2) и руднинской (3) культур по показателям долей орудий охоты (AI), рыболовства (BI) и орудий категории C

Велика доля орудий этой группы и в осиповской коллекции. В равных пропорциях орудия рыболовства (группа BI) и орудия по переработке рыбы представлены в руднинском собрании находок.

Распределение групп орудий внутри категории C для всех трех рассматриваемых инструментариев культур практически одинаково (рис. 8, в). Обработка органических и неорганических материалов (не связанных напрямую с охотой или рыболовством) велась орудиями, функционально хотя и различными, но в равной степени активности (следует отметить, однако, преимущественную связь орудий в руднинском инструментарии именно с обработкой дерева).

Все три вышеописанных графика можно рассматривать как наиболее значимую сравнительную характеристику особенностей инструментария каждой из рассматриваемых культур. Однако наиболее значимые различия в показателях из всей предыдущей совокупности статистических данных, для удобства сравнения, собраны на специальном графике (рис. 9).

Категория орудий охоты (AI) относительно наиболее велика для инструментария громатухинской культуры. Доля орудий этой категории в составе находок заметно меньше, причем сравнительно минимальна для руднинской коллекции. Совершенно противоположная картина отображается на графике при сопоставлении долей орудий рыболовства (AI). В громатухинском инструментарии она минимальна и радикально отличается от значимости этих составляющих в инструментариях осиповской и руд-

нинской культур. Именно данная диспропорция может считаться основной при относительной характеристике хозяйственной деятельности носителей руднинской культуры. Следует отметить и отличие числа орудий категории C. По совокупности полученных данных хозяйственную деятельность носителей руднинской культуры можно определить как ориентированную в первую очередь на рыбный промысел, со сравнительно развитой отраслью хозяйства, связанной с обработкой органических материалов, в частности дерева.

Сопоставление данных о хозяйственной деятельности носителей руднинской культуры с результатами планируемых исследований аналогичных показателей хронологически более поздних культур Приморья должно, как предполагается, проявить особенности динамики в эволюции палеохозяйства населения в процессе его адаптации к условиям климатических изменений в регионе в период голоцена.

Список литературы

Батаршев С. В., Морева О. Л., Кузьмин Я. В. Руднинская неолитическая культура в Приморье: Проблемы периодизации и хронологии // РА. 2010. № 4. С. 5–17.

Батаршев С. В., Попов А. Н. Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 2–13.

Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. 276 с.

Бродянский Д. Л. Археология Приморья. Краткий очерк. Владивосток, 2003. 88 с.

Батаршев С. В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: Рея, 2009. 200 с.

Волков П. В. Тесловидно-скребловидные орудия гromатухинской культуры // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 82–85.

Волков П. В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.

Волков П. В. Эксперимент в археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 324 с.

Дьяков В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.

Кононенко Н. А. Докерамические и неолитические комплексы Приморья (некоторые аспекты формирования и развития) // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока: проблемы исторической интерпретации археологических источников. М., 1994. С. 108–147.

Медведев В. Е. Поселение Перевал на юге Приморья // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 40–48.

Неолит юга Дальнего Востока: древнее поселение в пещере Чёртовы Ворота / Под ред. Ж. В. Андреевой. М.: Наука, 1991. 224 с.

Окладников А. П. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953–1956 гг. // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 5–80.

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток: Приморск. кн. изд-во, 1959. 292 с.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. М.; Л.: Наука, 1957. № 54. 241 с.

Татарников В. А. Неолитическая стоянка в пещере Чёртовы Ворота // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983. С. 110–127.

Keeley L. H. Experimental Determination of Stone Tool Uses. A Microwear Analysis. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1980. 212 p.

Korobkova G. F. Narzedzia w pradziejach. Torin: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. 168 s.

Список источников

Архив ИА РАН. Р-1, № 8828. Окладников А. П. Отчет о раскопках поселения на «Перевале» неподалеку от с. Владимиро-Александровского Приморского края в 1978 г. 47 л.

Материал поступил в редколлегию 09.11.2012

P. V. Volkov, V. Yu. Medvedev

PALEO-ECONOMY IN RUDNAYA NEOLITHIC CULTURE (ON THE BASE OF STONE TOOLS USE-WEAR ANALYSIS)

Research is devoted to the consideration of the earliest Neolithic in the Primorye (Rudninskaya culture), which existed from the middle of V to VII century BC. The main source for the study of economic activity of the ancient population are functional studies of stone tools from archaeological collections. Based on material of settlement Rudnaya Pristan' presents a comparative analysis of the ancient economies of the two regions – Primorye and the Amur region of the Far East of Russia. In paleoeconomy analysis were used the statistics of Osipovka and Gromatukha cultures (Amur region). Share category of hunting tools on the most numerous for tools Gromatukha culture. The share of this category of weapons in the findings is much smaller and relatively minimal for Rudnaya collection. The opposite picture is displayed on the chart when comparing fractions fishing gear. In Gromatukha tools is minimal, and radically different from the value of these shares in the toolkits Osipovka and Rudnaya cultures. It is this disparity may be the main characteristic of a Rudnaya culture. It should be noted and a relatively significant share of guns opposed categories related to the processing of organic and inorganic materials that are not directly related to hunting or fishing. The data obtained by the economic activities of carriers Rudnaya culture can be defined as a relatively focused, primarily, on the fishery with a relatively developed economy, mainly related to the processing of organic materials, in particular – the wood. Comparison of data on economic activity of Rudnaya culture with the results of the planned research similar indicators chronologically later cultures of Primorye, should, as expected, to show the features of the dynamics in the evolution of the population paleoeconomy during its adaptation to climate change in the region during the Holocene.

Keywords: Primorye, Amur river region, Neolithic cultures, stone tools use-wear analysis, hunting, fishing, wood-working, adaptation, evolution.